КРОКОДИЛ

ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА (почти по картине В. Серова)

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

В. И. ЛЕНИН.

— С днем рождения!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

САБАЕВО—НЕ ПАРИЖ...

Речь пойдет о мордовском селе Сабаеве. Том самом, о котором когда-то было доподлинно известно одно:

Сабаево — не Париж
Как приедешь — угоришь.

...В один из зимних дней 1889 года к избе сабаевского старосты подкатил возок. Оттуда выкатили сверток в овчинном полушубке. Развернули его — и перед жителями села предстала худенькая девушка с большой косой.

Сабаевцы разочарованно вздохнули.

— Какой же это учитель? Девка...

Молоденькую учительницу привела в Сабаево встреча, состоявшаяся за несколько лет до этого в Симбирске.

— Девочка, у тебя щеки побелели,— сказал небольшой, крепко сбитый гимназист студеным зимним вечером. И начал оттирать их с добросердечием и участливостью.

— Как же тебя пускают в таком пальтишке? Воротник надо подшить, а то нос отморозишь...

На что ученица епархиального училища Сашенька Лавровская, не задумавшись, брякнула:

— А откуда деньги на воротник взять?

Через несколько дней ее вызвали к инспектору народных училищ Илье Николаевичу Ульянову. Он объявил, что ей установлено пособие: семь рублей в месяц. Иначе вряд ли дочери вдовы заштатного священника удалось бы закончить училище. Тем более что у матери еще трое детей на руках.

И надо думать, что гимназист, оттиравший ей щеки, тоже был причастен к этому делу. Звали его Володя Ульянов.

Когда Александра Лавровская окончила училище, И. Н. Ульянов направил ее в Сабаево.

В то время это было печально-передовое село. Оно занимало первое место в Корсунском уезде по числу икон — 2,3 на душу населения. Держало первенство по больным трахомой — 70 процентов. Не имело себе равных по грамотности — 5 процентов среди мужчин, 0,4 — среди женщин. Десятая часть жителей не владела землей и батрачила в поместье барона Шлиппенбаха.

«Девку-учителя» признавать в Сабаеве не хотели. Дьяк и писарь мелко интриговали. Она не сдавалась.

Настал день, когда первые одиннадцать ребятишек пришли в каморку, где она жила, и взяли в руки буквари. Училась и учительница. Вслед за детишками повторяла: арась — нет, уле — есть, водря — хорошо, берень — плохо...

Не забывал о Лавровской Илья Николаевич Ульянов. Приезжавший по его поручению инспектор Красев писал в докладной: «Квартира для учителей состоит из маленького чуланчика за печью, и входом для нее служит церковная караулка, грязная, ветхая, с дырявым полом...»

Здесь же Лавровская учила детей, здесь они впервые услышали: «Товарищ, верь, взойдет она...»

И даже становой Щеглов, не отягощенный образованием в объеме начальной школы, понимал, что речь идет не об озимой пшенице...

Грянул семнадцатый. Вот тогда пригодились Александре Петровне мордовские слова. «Царь — берень, Ленин — водря»,— говорила она с крыльца школы сабаевцам.

До глубокой старости учила Лавровская мордовскую ребятню. Когда ей было уже 90 лет, Александра Петровна садилась рядом с шофером грузовой машины и ехала за 70 километров в Саранск на спортивные соревнования. Приставив к уху ладонь трубочкой, озабоченно спрашивала соседа по трибуне:

— Скажи, голубчик, что это Федюк Учайкин с левой бить так и не научился?

...Впервые я приехал в Сабаево двадцать восемь лет назад молоденьким лейтенантом. Прибыл с фронта на побывку к родным. И вот я снова в памятном для меня месте. Прошло более четверти века. Уже при подъезде к селу виднелись кресты телевизионных антенн, венчающие железные и шиферные кровли новых сабаевских домов.

Сейчас вроде бы самый момент привести кое-какие цифры по части нынешнего экономического процветания Сабаева. Ввернуть пару строк насчет того, что на фермах села насчитывается 1 100 голов породистого рогатого скота. Или заметить невзначай, что колхоз продает зерна вдвое больше годового плана.

Но какой сатирик упустит случай поговорить о недостатках! И поэтому снова совершим бросок в прошлое. Теперь в совсем недалекое — в 1964 год. В тот самый год, когда вследствие известных причин дела в колхозе дали крен.

В сумрачный февральский день представитель из района обходил вместе с директором школы А. И. Зоркиным колхозное хозяйство. Представитель действовал целенаправленно — перед ним стояла задача: во что бы то ни стало вырвать у Александра Ивановича согласие на выдвижение его кандидатуры в председатели колхоза.

Заход на первый же объект — свиноферму — поверг директора в смятение. Он уныло посмотрел на выпирающие с музейной убедительностью ребра свиней и мрачно произнес:

— Такие наглядные пособия мне ни к чему. Я физик, а не биолог.

— Недостаток фосфора...— развел руками представитель.

— Это не по моей части,— стоял на своем директор.— Я физик, а не химик.

И разваливающийся коровник не добавил кандидату в председатели энтузиазма.

— Я не плотник, я мореплаватель,— стоял он на своем.

Бывшему флотскому главстаршине первой статьи, а ныне директору школы пришлось все же сдаться. Ибо в райкоме партии сказали просто:

— Хотя ты и физик и мореплаватель, но прежде всего ты — коммунист.

А вскоре состоялся мартовский Пленум ЦК партии. Его решения сабаевцы встретили с искренним воодушевлением. Работа закипела.

Результаты? Доход колхоза за 1968 год — 585 тысяч рублей. О «стаканниках», тех, кто получал на трудодень по стакану зерна, давно забыли. В полеводческих бригадах приходится в среднем по 3 рубля в день на человека. Заработок доярки 90—120 рублей в месяц. В день моего приезда у сельмага стояла очередь. Нет, не за хлебом, как прежде. Привезли, оказывается, импортные женские пальто по 150 рублей. Между прочим, французского происхождения. Сабаево — не Париж, но все-таки...

Прошедший год не баловал сабаевцев. Дождь, град и ветер, заключив тройственный союз, начисто разделались с озимыми на 520 гектарах. В былые времена — разорение.

В Сабаеве же сегодняшнем взяли семена из колхозных закромов и пересеяли озимые. Урожай получили по 27 центнеров с гектара. И хотя почвы здесь почти железобетонные — гравийно-песчаные, кто осмелится утверждать, что успех сабаевцев построен на песке?

С горохом тоже приключилась беда — напал на него вредитель. В таких случаях прежде уповали только на бога. На этот раз помощь действительно пришла с неба. Самолеты сельскохозяйственной авиации не только разделались с вредителем, но еще и подкормили посевы.

Остановился я в доме старой знакомой — колхозницы Марии Борисовны Трошкиной.

Оглядываю избу, где не был столько лет. Городская мебель. На полке томик Хемингуэя на испанском прижал в угол сборничек рассказов Сименона на французском. Уживаются.

Я уже знаю, что старшая дочка моей хозяйки Нина, окончив университет, преподает иностранные языки в Перми. Сын Данила — офицер на Дальнем Востоке. Еще одна дочь, Валя,— фельдшер в Саранске. Шестерых детей вырастила Мария Борисовна.

Раньше в многодетных мордовских семьях шли по миру. Теперь сабаевцы едут по стране: учиться, учить других, охранять границы, строить дома, проектировать турбины.

Захожу в один из новых, каменной кладки телятников. Крутолобые телки нежатся в теплых волнах парового отопления и задумчиво косят фиолетовыми глазами на электрические лампочки.

С достижениями птицефермы досконально познакомиться не удалось по причине того, что ее заведующая В. М. Пронькина с ходу взяла председателя в оборот за какое-то упущение по части ее куриного ведомства. И хотя Вера Максимовна — депутат Верховного Совета Мордовской АССР, ее выступление, произнесенное на родном языке, было лишено гладких парламентских интонаций.

В бухгалтерии нам выложили ряд цифр, которые, если даже исключить собственные визуальные наблюдения, свидетельствовали об экономическом благополучии Сабаева. И при этом столь же откровенно сообщали, что пока, даже в масштабе Мордовии, колхоз еще не является эталоном.

И все же, как мне удалось выяснить, сабаевцы кое в чем держат первенство. Ибо первый мордовский генерал Павел Васильевич Горбунов — их земляк. Сабаево дало первого мордовского лауреата Ленинской премии и первого ученого-мордвина, работающего в области космической внеземной медицины.

Азартно щелкают костяшками сабаевские статистики. Интеллигенция? В селе ее свыше 120 представителей, из них учителей 52. Большинство с высшим образованием, и многие местные уроженцы. Заслуженных учителей республики? Отличников народного просвещения? В бухгалтерии сбиваются со счета и начинают все сначала...

Сабаево — не Париж... Здесь нет, конечно, Сорбонны. Но есть 1 200 школьников и 240 студентов. Так что если прикинуть количество посадочных мест в школах и вузах, приходящихся на душу населения, то сабаевцы, наверное, могут утереть нос и парижанам. Если и не сегодня, то уж, безусловно, завтра. Об этом позаботился Совет Министров Мордовской АССР, утвердивший проект новой двухэтажной школы-десятилетки (каменной, с паровым отоплением и спортивным залом) на 470 мест.

Вследствие объективных причин отсутствует пока в Сабаеве Лувр. Пробел этот должен в какой-то степени восполнить музей А. П. Лавровской, который расположится в доме, где она жила. При составлении экспозиции будущего музея известные затруднения доставило отсутствие такого важного экспоната, как лапоть,— в селе его обнаружить не удалось. На предмет изыскания такового намечено силами местных школьников снарядить археологическую экспедицию.

Я льщу себя надеждой, что этот рассказ о Сабаеве привлечет к нему внимание широкой общественности. Увы, как мы уже не раз отмечали, Сабаево — не Париж, и поэтому отеля «Амбассадор» в нем пока нет. Однако по соседству, в бронзоволицем сосновом бору, на берегу тихоструйной Суры, заканчивается строительство турбазы на несколько сот мест. Вполне современной. Со всеми удобствами и неудобствами, свойственными всем турбазам. Короче, милости просим в Сабаево!

Мордовская АССР,
колхоз имени Ленина

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Товарищ Ленин!
«Крокодил» докладывает,
Как Маяковский —
не по службе, а по душе.
Помните рапорт:
«...работа адовая
будет
сделана
и делается уже»!
Товарищ Ленин!
Сделано многое!
Корчуя старье,
отбиваясь от бед,
Шагаем
указанной Вами дорогою
По целине
пламенеющих лет.
Октябрьское знамя
над головами
По-прежнему
в праздничном небе плывет.
С великою партией,
созданной Вами,
Великих успехов
добился народ.
Полвека
для нашей истории
много ли!
Но сказочно все
изменилось в стране.
Что нету
в России
ни нищи, ни голи,
Могло ли
кому-нибудь
сниться во сне!
Где дети,
босые, немытые,
битые!
Где версты
безмолвия,
разоренья и мглы!
Где дикие, темные,
всеми забытые,
Без света и радио
медвежьи углы!
Безграмотность,
вошь,
беспризорность,
разруха,
Поповские бредни,
кулацкая мразь...
Ни духа от них не осталось,
ни слуха —
Мы с ними расстались,
над прошлым смеясь!
Взгляните,
какие накоплены знания,
Каких мы
повсюду
достигли вершин!
От нашего «было» до «есть»
расстояние
Не вычислить
без электронных машин.
Пришлось потягаться нам
с вражеской нечистью!
И трудно бывало
и тяжко,
но мы
Не Родину только,
а все человечество
Спасли
от зловещей
фашистской чумы!
Надежды
нацистских последышей
тают.
Нас ложью хотели скрутить —
не смогли!..
Гордо
в просторах вселенной
летают
Наши
космические
корабли.
Со многим, что было,
покончены счеты.
Успехи —
они очевидны для всех.
Однако
покуда еще
без работы
Наш
не сидит
сатирический цех.
Еще к нам мещанство
из прошлого тянется,
То в души втираясь,
то прячась в тени,
Еще бюрократы,
сутяги,
пьяницы
Нередко
и в наши
встречаются дни.
И лодыри есть еще
и паразиты,
Мы также и с ними расстаться
должны...
Еще не исчезли
из нашего быта
Прозаседавшиеся
болтуны,
Еще и такие
встречаются «мистеры»
[Их «плесенью» чаще зовут на Руси],
Которые истину,
уткнувшись в транзисторы,
Ищут
в евангелье от Би-би-си.
Зазнайства
еще наблюдаются случаи,
И взятка
порой
оскверняет наш быт...
Нам вывезти эти отбросы живучие
На свалку Истории
еще предстоит.
И вывезем!
Враг никакой нам не страшен,
Раз Родина,
Партия,
весь наш Народ,
По-прежнему,
сердцем и именем Вашим
Думает,
дышит,
борется
и живет!

Д. ЯСИНОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ИСТОРИЯ В БРОНЗЕ

Есть в ГДР шахтерский город Айслебен. Знаменит он не только тем, что совсем недавно ему исполнилось тысяча лет.

Четверть века назад, когда советские воины входили в Айслебен, освобождая город и его трудящихся от нацистской нечисти, на главной площади их встретил... Ильич! Он стоял, трехметровый, бронзовый, и улыбался людям и солнцу. Стоял так монолитно и уверенно, будто сама история страны, давшей миру Маркса и Энгельса, предопределила его место в рабочем сердце Германии.

Изумлению и радости наших бойцов не было предела.

Мы не будем подробно описывать все перипетии этой волнующей истории. Тем более что о ней уже писали газеты. Автору же этих строк посчастливилось встретиться с главными ее героями — антифашистом, руководителем подпольной группы товарищем Робертом Бюхнером и славной русской женщиной, участницей антинацистского сопротивления Валентиной Шестаковой...

Это было в 1943 году. На металлургический завод в Айслебене прибыл очередной транспорт с цветным металлом. Разумеется, ворованным, не своим. И в одном из вагонов угнанные в рабство советские люди обнаружили памятник Ильичу...

Нет нужды говорить, что поступок, который они совершили, карался пулей или петлей. Обманув охрану и администрацию завода «Кругхютте», советские люди с помощью немецких антифашистов спрятали монумент. Однако в следующем году над памятником вновь нависла угроза. Фашистская военная промышленность остро нуждалась в цветных металлах. И администрация «Кругхютте», сметая все подчистую, наткнулась на памятник. Валя Шестакова, в то время восемнадцатилетняя девушка, предупредила подполье.

— Вначале я не поверил,— рассказал бывший руководитель антифашистской подпольной организации Роберт Бюхнер,— что на заводском дворе «Кругхютте» лежит вот так совершенно запросто невредимый памятник Ленину, да еще высотою в три метра! И чтобы самому в этом убедиться, следующим же вечером пробрался туда тайком. Ленин на нашем мрачном заводском дворе в глубине фашистской Германии засиял для меня, как яркая звезда в темную ночь. Я вспомнил, как десять лет назад, в 1934 году, незадолго до моего возвращения для нелегальной работы в гитлеровский рейх, я посетил Мавзолей Ленина на Красной площади. И здесь же, на заводском дворе, я поклялся, что памятник спасу...

Тогда же состоялся следующий разговор между управляющим заводом Енчем и подпольщиком Бюхнером.

— Вот что, Енч,— сказал Бюхнер, подкараулив управляющего в темном парке.— Если памятник попадет в печь, то вы сами вскоре угодите тоже в печку, а точнее, в адский котел, потому что нацистского рая и вам и всем вашим коллегам уже не видать...

При этом Бюхнер продемонстрировал Енчу весьма красноречивое дуло пистолета...

— Вы знаете, э-э, майн герр,— Енч хотел, видимо, даже сказать «геноссе», но не решился.— Неужели вы думаете, что я плохая крыса? Может быть, я действительно крыса, но не настолько глупая, чтобы вовремя не сбежать с этого корабля...

И Енч вытер со лба капли холодного пота. Он сдержал слово: сохранил не только памятник, но даже две другие бронзовые фигуры — Геркулеса и богиню Флору: они тоже были «организованы» гитлеровцами в СССР — в городе Пушкине под Ленинградом.

Но еще интереснее завершение этой истории.

— Вот, почитайте,— сказал товарищ Бюхнер, бывший мэр Айслебена, протягивая мне какую-то официальную бумагу с номерами банковского счета и телефонами.— Это, пожалуй, один из самых наглых документов в истории Германии. Это счет, присланный нам не кем иным, как той же самой фирмой «Кругхютте», которая, как видите, процветает в Западном Берлине, получив мощную долларовую прививку...

Этот документ, и правда, достоин опубликования на страницах «Крокодила».

«Как известно,— говорится в документе,— в декабре 1943 года в адрес нашего акционерного общества в Айслебене были доставлены в качестве металла три бронзовые статуи. Одна из них — памятник Ленину — была в 1945 году установлена в Айслебене, остальные же две были конфискованы русскими оккупационными властями.

Бронзовые фигуры весили 5 930 килограммов и по старым ценам на материалы — 0,94 РМ (рейхсмарки — валюта фашистского рейха) за килограмм — их стоимость составляет сумму в 5 574,20 РМ. Для транспортировки фигур мы вынуждены были послать сопровождающего и поэтому понесли дополнительные расходы в размере 273,16 РМ.

Таким образом, общая сумма ущерба, нанесенного нам оккупацией, выражается в количестве 5 847,36 рейхсмарки. Эту сумму мы и просим взыскать с оккупантов в нашу пользу»...

Сначала, не очень долго думая, рабочие металлургического завода, бывшего «Кругхютте», ныне носящего имя Карла Либкнехта, хотели быстренько отлить из какого-нибудь подходящего материала фигу, или, по-русски, кукиш, и направить его наглецам из фирмы «Кругхютте». Однако, поразмыслив немного, рабочие сочли, что не стоит на это тратить даже килограмма металла.

И, наконец, я с удовольствием сообщаю читателям «Крокодила», что взамен подаренного Советским правительством немецким горнякам и металлургам памятника Ильичу айслебенские мастера отлили монумент Эрнста Тельмана и подарили его городу Пушкину в знак вечной дружбы. Так они и стоят на своих законных местах — незыблемо и на века.

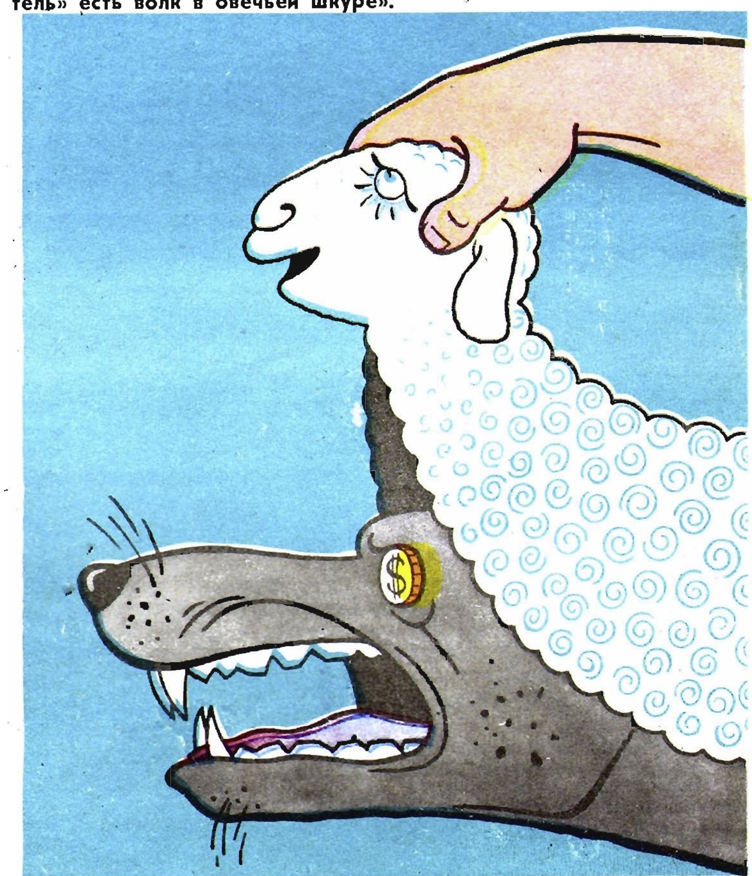
ГДР, Айслебен.

«На каждом долларе — ком грязи... На каждом долларе — следы крови...»

«Очень часто бывает, что фабрикант старается всеми силами обмануть рабочих, выставить себя их благодетелем, прикрыть свою эксплуатацию рабочих какой-нибудь пустой подачкой, какими-нибудь лживыми обещаниями. Всякая стачка всегда одним ударом разрушает весь этот обман, показывая рабочим, что их «благодетель» есть волк в овечьей шкуре».

Рисунки И. ИГИНА и Ю. ФЕДОРОВА

Валентин КАТАЕВ

Маленькая повесть

ДЕМЬЯН РАССКАЗЫВАЕТ

Вижу его всегда как бы сквозь строчки Маяковского: «Это кит — говорят. Возможно и так. Вроде рыбьего Бедного — обхвата в три. Только у Демьяна усы наружу, а у кита внутри»...

Вот он сидит — красный с мороза, массивный, тепло одетый, опираясь на палку, в высоких белых бурках, обшитых коричневой кожей, посреди редакционной комнаты в журнале «Крокодил», окруженный веселой крокодильской братией — художниками, фельетонистами, поэтами... На нем кожаная фуражка, но не черная, комиссарская, а желтая, как у пожилого железнодорожного машиниста; во рту громадный мундштук с толстой папиросой, обволакивающей приятным дымком рыжеватые, жесткие, коротко постриженные усы, растущие действительно снаружи, а не внутри; и неопределенно очерченный простонародный, крестьянский рот со слабо окрашенными губами; и рыжеватые ресницы внимательно, настороженно прищуренных, хотя и улыбающихся, но в то же время холодных глаз, а на висках веером — сухие мужицкие морщинки.

Хорошо помню Демьяна в большом кабинете его кремлевской квартиры, в так называемом белом коридоре Александровского дворца. При входе в белый коридор за столиком сидит дежурный, и сквозь стеклянные рамы внутреннего перехода, похожего на зимний сад, повисший над пустынной кремлевской улицей, виднеется фигура часового в длинной кавалерийской шинели с красными нагрудными клапанами — «разговорами» — и суконном буденновском шлеме, что делало его похожим на некоего древнерусского молодого витязя.

Древнерусский стиль отчасти присутствовал также и в самом кабинете Демьяна, где на громадном, поистине министерском столе сразу же бросался в глаза колоссальный письменный прибор в русском былинном стиле, литого серебра: бородатые васнецовские богатыри в шишаках и боевых рукавицах, избушка на курьих ножках, косматые медведи, нож для разрезания в виде меча-кладенца, а вместо пепельницы — полуведерная братина; хрустальные чернильницы; весь прибор пуда на полтора, должно быть, реквизирован у какого-нибудь московского купца-миллионщика.

Все это — и в первую очередь массивная фигура самого поэта — весьма подходило к царь-колоколу, к царь-пушке, трофейным французским пушкам двенадцатого года у желтой стены арсенала, а также к еще не снятым золотым двуглавым орлам на кремлевских башнях и еще сохранившейся в то время надписи золотыми славянскими буквами на стеклах входных дверей гостиницы «Националь»: «Первый домъ Совѣтовъ» — еще через ять.

В просторном халате Демьян каждое утро брил свою яйцевидную голову с валиками жирка на затылке, аккуратно расставив бритвенный прибор на необъятном своем письменном столе среди свежих, только что полученных советских газет, уже во многих местах помеченных его красно-синим богатырским карандашом, а также номера немецкой «Берлинер Тагеблатт», специально выписывавшейся им для того, чтобы быть в курсе буржуазной западной информации и пропаганды. Демьян хорошо владел немецким языком, но нередко в раздражении называл эту газету несколько по-русски — «Берлинер Тагебл...».

Бреясь, он любил рассказывать разные истории.

Демьян часто вспоминал о своих встречах с Лениным.

— Когда Правительство переехало из Петрограда в Москву, мы сначала разместились в гостинице «Националь», а уж потом нас перевели в Кремль. Как видите, квартира хотя и большая, но комнаты неуютные, казенные, стены, обратите внимание, толстые, прямо-таки крепостные, окошки маленькие, потолки сводчатые, как в погребе; но все это было бы зло не так большой руки, кабы не печи. В те времена первых лет революции во всем Кремле не было ни одной исправной печи. Да и дров не хватало. Буквально замерзали от холода. Хоть железные буржуйки ставь и выводи трубы наружу через дворцовые окошки. Не только я, маленький человек, мерз и принужден был работать в шубе и валенках, но все народные комиссары тоже мерзли, в том числе, конечно, и сам Ленин. И я помалкивал, не жаловался. Это продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день комендант Кремля не соизволил приступить к генеральному ремонту всех кремлевских печей. Доходит очередь до белого коридора, до нашей, стало быть, квартиры. Являются печники — подмосковные мужички.

«Здрасте».

«Здрасте».

«Где у вас тут неисправная печь?»

«Да почти все печи неисправные».

«Это худо»,— говорят печники.

«Да уж куда хуже,— говорю.— На вас одна надежда. Орудуйте».

Тут мои мужички-печники повздыхали, поохали, стали, шаркая валенками, ходить по комнатам от печки к печке, стуча заслонками, открывая вьюшки, дуя в отдушники, и все время скребли под шапками затылки, горестно переглядывались и бормотали:

«Одно названье, что дворец, а печи в нем совсем никуда, никакой тяги, а разве без тяги печь себя оправдает, будь она хоть трижды кафельная? Только зря советскими народными дровишками будете отапливать божье небо, а грубки ваши так никогда и не нагреются, товарищ народный комиссар».

«Я не комиссар».

«Ну, это ваше дело. Для кого как, а для нас вы комиссар, поскольку у вас квартира в кремлевских палатах».

«Ну, так как же, товарищи мужички, сможете привести в порядок печи, или так и придется нам всей семьей замерзать?»

«Почему не сможем? — отвечают мужички.— Если возьмемся, то сможем».

«А возьметесь?»

«Почему же не взяться? Взяться можно. Только работы больно много: весь дымоход надо по кирпичику разобрать, а потом опять по кирпичику же собрать, и еще неизвестно, как получится: дело темное...»

«Так что же нам, замерзать?»

«Это как ваша воля, на то вы и народные комиссары».

Как видите, положение безвыходное. Что тут будешь делать? Однако мои печники не на того напали. Я сам мужичок не промах, не лыком шит.

«Вот что, мужички,— говорю,— хотя я и уверен, что вы все люди положительные, не пьющие, тем более, что и пить нечего, так как при советской власти торговля вином строжайше запрещена, а за самогон сажают, но ввиду такого экстренного случая могу вам поставить небольшой магарыч — по чайному граненому стакану самого что ни на есть чистого аптекарского спирта в девяносто шесть градусов на брата. И, конечно, по краюшке черного, солдатского хлебца с солью,— не взыщите, больше у самого нету. Ну как, идет, мужички?»

«А не обманешь? Ты ведь, народу известно, человек безбожный. Демьян Бедный — мужик вредный».

«Этого нет,— говорю,— у меня слово — слово. Сказано — сделано. Вера Руфовна! — кричу жене в соседнюю комнату.— А не осталось ли у нас в домашней аптечке каких-нибудь капель для бодрости, чтобы товарищи печники не слишком тянули с ремонтом печей?»

Ну, понятное дело, у Веры Руфовны нашлась надлежащая склянка с девяностошестиградусным медицинским ректификатом для лечебных целей, и я сказал:

«Вот что, мужички: по полстакана в виде задатка и по полному граненому в окончательный расчет. Само собой, закуска: по четверть фунта черныша и по одному соленому огурцу на каждую персону, а больше ничего у нас в хозяйстве нет, хоть обыскивайте. Идет?»

«Идеть!» — сказали хором печники, хлопнули по полстакана, даже не поморщившись, крякнули, закусили, поскидали верхнюю одежу, оставили только рукавицы, да так навались, что только по всем комнатам дым коромыслом.

Не успел я и полбасни начерно набросать, как — пожалуйте! — уже все готово: затопили мужички печи, красота! В минуту кафели нагрелись, раскалились, в квартире рай, хоть босиком ходи. Хлопнули тут мои спасители — золотые руки по граненому, закусили остатками огурцов, попрощались за ручку и пошли дальше по кремлевским квартирам, громко восхваляя на все лады Демьяна Бедного, мужика не только не вредного, а, можно сказать, лучшего друга советских мужиков и первого поистине народного поэта в мире.

Сколько времени прошло с тех пор, как удалились печники, не знаю. Я уж о них, признаться, и забыл. Вдруг — телефон. Беру трубку. Знакомый голос.

«Это вы, Демьян? Здравствуйте».

Батюшки, Ленин! И, главное, такой сердитый. Я его голос хорошо изучил. Ну, думаю, будет баня. И никак не пойму: за что? Кажется, ничего такого особенного не совершил, совесть чиста... А все-таки страшно!

— Разве Ленин бывал страшный?

— Ого! — воскликнул Демьян.— Это только со стороны могло показаться, что этакий добрый, ласковый, чуткий дядя: детишки, елка в Сокольниках, котенок на коленях играет... А, бывало, коли что-нибудь сделаешь

не так, лучше не попадайся ему на глаза. Шутить не любил. Глаза делались холодные, неумолимые.

— И вы его так сильно боялись?

— Не я один. Все боялись. Твердо скажу: не было ни одного человека, который не боялся бы справедливого ленинского гнева.

«Послушайте, Демьян,— слышу в трубке его глуховатый, высокий, грассирующий голос,— вы что ж это, дорогой мой, распоряжаетесь в Кремле, как у себя дома? Не забывайте, что Кремль — это символ революции и советской власти. А вы что себе позволяете?»

«А что я себе позволяю, Владимир Ильич?» — А у самого ноги трясутся.

«А то, дорогой товарищ, что ко мне только что явились печники делать ремонт и требуют водки». Ленин сделал грозную паузу, и я сразу сообразил, что мои мужички добрались до квартиры Ильича. Ай-яй-яй!

Демьян изобразил на толстом лукавом лице ужас и схватился за голову руками, как медведь, у которого болят зубы.

— Мамочка моя, мама! Представляете себе? Ну, спасибо моим мужичкам-печникам, подвели Демьяна под монастырь!

«Неужели, Владимир Ильич? — говорю.— Ах, они такие-сякие, немазаные!»

«А вы будто и не знали? — воскликнул Владимир Ильич с ядовитой иронией.— Скажите, пожалуйста, какая казанская сирота! Ты слышишь, Надя, он, оказывается, совсем ничего не подозревал.— И мне опять: — Морочьте голову кому хотите, только не мне. Я все знаю. Вы им дали по полтора стакана остродефицитного медицинского спирта, и они вам отремонтировали печи быстро и аккуратно. Прямо так в глаза и говорят: Демьян Бедный, дескать, настоящий народный комиссар, ему для рабочего человека ничего не жалко. А мы с Надеждой Константиновной люди непьющие, дома спиртного не держим, как некоторые народные баснописцы, и вот, изволите видеть, печники у нас не хотят работать. Что ж нам, из-за вас замерзать прикажете? Кстати, Демьян,— тут голос Ленина стал металлическим,— откуда у вас спирт? Вы разве не слышали, что у нас продажа алкоголя категорически запрещена, а за неподчинение закону знаете, что полагается? Вы не рассчитывайте, что советская власть будет с вами нянчиться!»

«Помилуйте, Владимир Ильич, спирт у меня по рецепту из аптеки, специально для растирания...»

«А вот я вам пропишу такое растирание, что не поздоровится. Стыдитесь! А еще народный поэт! Да, дорогой товарищ Демьян, серьезно прошу: вы у меня народ не спаивайте, не портите и мой авторитет не подрывайте, а то, смотрите, ответите перед своей партийной организацией. И чтобы этого больше не повторялось!»

«Не повторится, Владимир Ильич».

«Ловлю вас на слове». И Ленин вдруг, неопределенно хмыкнув: «гм, гм...»,— со звоном положил трубку.

— Ух, пронесло! А то бы, знаете...— И Демьян, крепко зажмурившись, покрутил головой, как провинившийся кот.— Мое счастье, что Владимиру Ильичу было в высшей степени свойственно чувство юмора. Он вообще ценил в людях юмор и считал его отличным средством массовой пропаганды. Например, помню такой случай...

Но в это время позвонили из «Правды», и, попрощавшись со мной, Демьян надел совершенно не шедшее к его большому лицу маленькое, почти дамское пенсне и сел за свой богатырский стол писать стихи в завтрашний номер газеты. Поэтому «такой случай» стал мне известен значительно позже, уже в салон-вагоне Демьяна, во время нашей с ним поездки в колхоз его имени, поводом к чему послужила маленькая стычка между нами из-за того, что я по застенчивости отказался выступить на митинге в колхозе, и Демьян долго меня за это журил, убеждая, что каждый советский писатель обязан быть хорошим оратором и выступать на собраниях перед народом, «а то из вас ничего не получится».

— От нас, партийных работников, Ленин требовал, чтобы мы в обязательном порядке, не реже одного раза в неделю, выступали перед рабочими на заводах и фабриках, не делая ни для кого исключения, и первый показывал нам пример этого, а при особо острой политической обстановке — и чаще.

Во время гражданской войны и блокады, когда республика была, как тогда говорили, в огненном кольце, когда судьба Советской власти висела на волоске, выступать перед рабочими приходилось чуть ли не каждый день. Этим делом ведал МК, рассылая нас по путевкам на разные заводы, и о невыполнении этой партийной нагрузки, приравненной к боевому приказу, не могло быть и речи: выступали все, от рядового цекистского работника до председателя Совнаркома Ленина включительно.

Демьян строго посмотрел на меня и поднес к моему носу толстый палец с пожелтевшим от табака ногтем.

— А вы говорите, что не умеете выступать, стесняетесь и прочее. Позор! Так из вас никогда настоящего писателя-большевика не выйдет. А я еще хотел рекомендовать вас в «Правду», слава богу, не сделал этой глупости. Писать и выступать публично на митинге — одно другому не только не мешает, но даже помогает. Впрочем, поступайте, как хотите. Что же касается нас, старых большевиков, то мы в те горячие денечки все как один, бывало, с утра до вечера разъезжали по заводам и сколько хватало сил агитировали за молодую Советскую власть, вселяя в народ уверенность в окончательной победе. Автомобилей тогда у нас было совсем мало, так что частенько одна машина обслуживала по три, по четыре оратора и развозила их по рабочим аудиториям в разные концы нашей обширной матушки Москвы, а потом собирала и везла дальше, на следующий митинг.

Помню, однажды был большой митинг у железнодорожников, на Садовой, недалеко от Курского вокзала, в клубе имени Кухмистерова. Вы, наверное, хорошо знаете этот клуб, не раз бывали, когда работали в «Гудке»,— такой узкий и длинный, как коридор, неуютный какой-то, вечно пыльный, плохо освещенный... А в тот памятный день он показался мне совсем унылым. Однако народа полным-полно: машинисты, кочегары, кондукторы, весовщики, стрелочники, смазчики — все какие-то черные, промасленные мазутом, молчаливые, угрюмые, небритые, голодные, с лицами, покрытыми каменноугольной пылью, копотью, злые, как черти. Известное дело — голод не тетка... Ждут Ленина... А Ленин не едет. Видимо, задержался на другом предприятии или с автомобилем авария. Вот мне и говорят: «Пока что начинайте вы, а там, глядишь, и Владимир Ильич подъедет. Расшевелите аудиторию». Заглянул я из-за кулис в зал и совсем приуныл: вижу, что такую аудиторию трудновато будет расшевелить, еще, чего доброго, совсем с эстрады сгонят, освищут. Однако делать нечего. Председатель за столом, покрытым старым красным кумачом, постучал по графину с желтой водой и объявляет меня. Выхожу с независимым видом на эстраду. Молчат. «Здравствуйте,— говорю,— товарищи железнодорожники, боевой отряд российского пролетариата». Молчат. Хоть бы кто-нибудь для смеха похлопал. Ну-ну, думаю. В чем дело? Может быть, меня не узнали? «Перед вами, — говорю, — Демьян Бедный, мужик вредный». «Знаем, слышали! — Среди общей тишины раздается сварливый голос посреди сумрачного зала.—Ты, брат, ближе к делу. Чем баснями нас кормить, скажи лучше, когда жизнь полегчает? До точки народ дошел, сил больше никаких нету!» А другой перебивает: «Нам Ленина обещали, а не тебя, Демьян. Мы Ильича пришли слушать. Пусть нам сам Ильич объяснит положение и откровенно скажет, на что нам надеяться!» «Верно,— зашумели другие,— пусть Ленин выступает». «Товарищи,— кричу, покрывая шум,— Ленин в данный момент выступает по путевке МК у Гужона и как только закончит и ответит на все вопросы гужоновцев, то незамедлительно приедет сюда. Так что не шумите и дожидайтесь, имейте терпение. Товарищу Ленину трудно всюду поспеть. Надо и ему посочувствовать: думаете, ему легко приходится? Нам всем с вами нелегко, а ему в десять раз труднее. Такой государственный воз тащить! Небось, все шишки в первую очередь на него валятся, одна за другой, только успевай поворачивайся. Однако же наш Ильич, не в укор вам всем будь сказано, не жалуется, не шумит, не унывает, разве только изредка маленечко кряхтит про себя...»

Смотрю в зал — мои железнодорожники как будто слегка успокоились: значит, заинтересовались, слушают со вниманием, не перебивают. Тут я решил окончательно взять их в плен, как и полагается опытному оратору-массовику. «Здесь,— говорю,— кто-то из вас задал мне вопрос: когда, мол, наша жизнь полегчает? Я и сам недавно этот же вопрос задал товарищу Ленину. Встретился с ним возле царь-пушки по дороге в столовку и спрашиваю: «Владимир Ильич, скажите, когда наша жизнь полегчает?» А он в ответ: «Я сам только что хотел вас спросить: вы не знаете, товарищ Демьян Бедный, когда наша жизнь полегчает?» Посмотрели мы друг на друга и рассмеялись. «Нет, Демьян, —говорит Ленин,— кроме шуток, положение наше хуже губернаторского: только что побили Деникина — Врангель выскочил, побили Врангеля — разруха выскочила, кое-как начали справляться с разрухой на железной дороге, глядь — прорыв на топливном фронте, с топливом мало-мало справились — с продовольствием крах, отчаяннейший голод... Это, знаете, Демьян,— говорит Ленин,— напоминает журавля из сказки: хвост вытащил — клюв увяз, клюв вытащил — хвост увяз...»

В зале послышались смешки.

Тут я, чтобы, так сказать, окончательно развеселить аудиторию, стал ходить по эстраде, изображая Ленина: руки за жилет, ноги с пятки на носок, склоняюсь и выпрямляюсь, точно и в самом деле вытаскиваю то клюв, то хвост, и приговариваю характерным ленинским голосом: «Хвост вытащил — клюв увяз; клюв вытащил — хвост увяз»... Тут моя аудитория совсем потеплела: хохот, аплодисменты... А мне того только и надо.

Но тут я невзначай взглянул перед собой и вдруг перед самым своим носом увидел Ленина, который сидел во втором ряду с самого края, на приставном стуле, заложив ногу за ногу, в своем стареньком пальтишке внакидку, мял на колене свою известную кепку с отстегнутым козырьком и смотрел на меня в упор холодными глазами, не предвещавшими ничего хорошего. Я так и обмер. Ну, думаю, влопался! Аж горячий пот меня прошиб. Теперь уж, думаю, не помилует! Я наспех, кое-как, закончил свое выступление и убрался за кулисы, стараясь не попадаться на глаза Ленину, который, сбросив с плеч пальто, в коротком пиджачке, худой, осунувшийся, с блестящими глазами, поправляя на шее галстук в горошину, уже взбегал по лестничке на сцену, и едва его увидели, как разразилась овация. А я тем временем, схватив в охапку кушак и шапку, побежал на улицу к машине, рассчитывая поскорее улизнуть... Ан не тут-то было! Оказалось, что в наличности всего один-единственный свободный автомобиль, которому было приказано после окончания собрания везти нас обоих — Ленина и меня — куда-то на собрание в другой конец Москвы, где Владимира Ильича уже давно дожидаются. Вообразите мое положение! Однако ничего не поделаешь. Влез я в машину, забился в угол и жду. Через полчаса, окруженный восторженной толпой рабочих, возбужденный, раскрасневшийся, выходит из клуба Ленин, жмет провожающим руки, обещает приехать еще раз, как только будет малейшая возможность, и садится в автомобиль рядом со мной, но с таким видом, будто меня и вовсе нет. Говорит шоферу: «Давайте, пожалуйста, поехали прямым ходом, время не терпит, товарищи давно уже ждут»,— и откидывается на подушку. Лицо каменное. Хоть бы раз улыбнулся. Или в крайнем случае хотя бы выругался, и то было бы легче. Но нет. Молчит. Один только Ленин умел так грозно молчать. Едем таким образом в абсолютном молчании минут десять. Целая вечность! Вдруг он оборачивается ко мне:

«Слушайте, Демьян, вот какого рода дело. Сейчас вам предстоит выступать перед большой рабочей аудиторией. Гм... А вы хорошо подготовились? Знаете, что будете говорить?»

«А как же, Владимир Ильич, конечно, подготовился. Буду говорить о внутреннем и международном положении... Как водится... Ну и вообще».

«Очень хорошо. Гм, гм... Очень у вас хорошо получилось это выступление!»

«Какое, Владимир Ильич?» — спрашиваю невинно.

«Это самое: хвост вытащишь — нос увяз».

«Владимир Ильич! — взмолился я.— Верьте слову, это черт меня попутал. Наш брат-литератор ради красного словца не пожалеет и родного отца. Простите великодушно. Повинную голову и меч не сечет. Больше никогда не повторится!»

Окончание на стр. 10.

Рисунки И. ИГИНА и Ю. ФЕДОРОВА

ЧИТАЯ ЛЕНИНА...

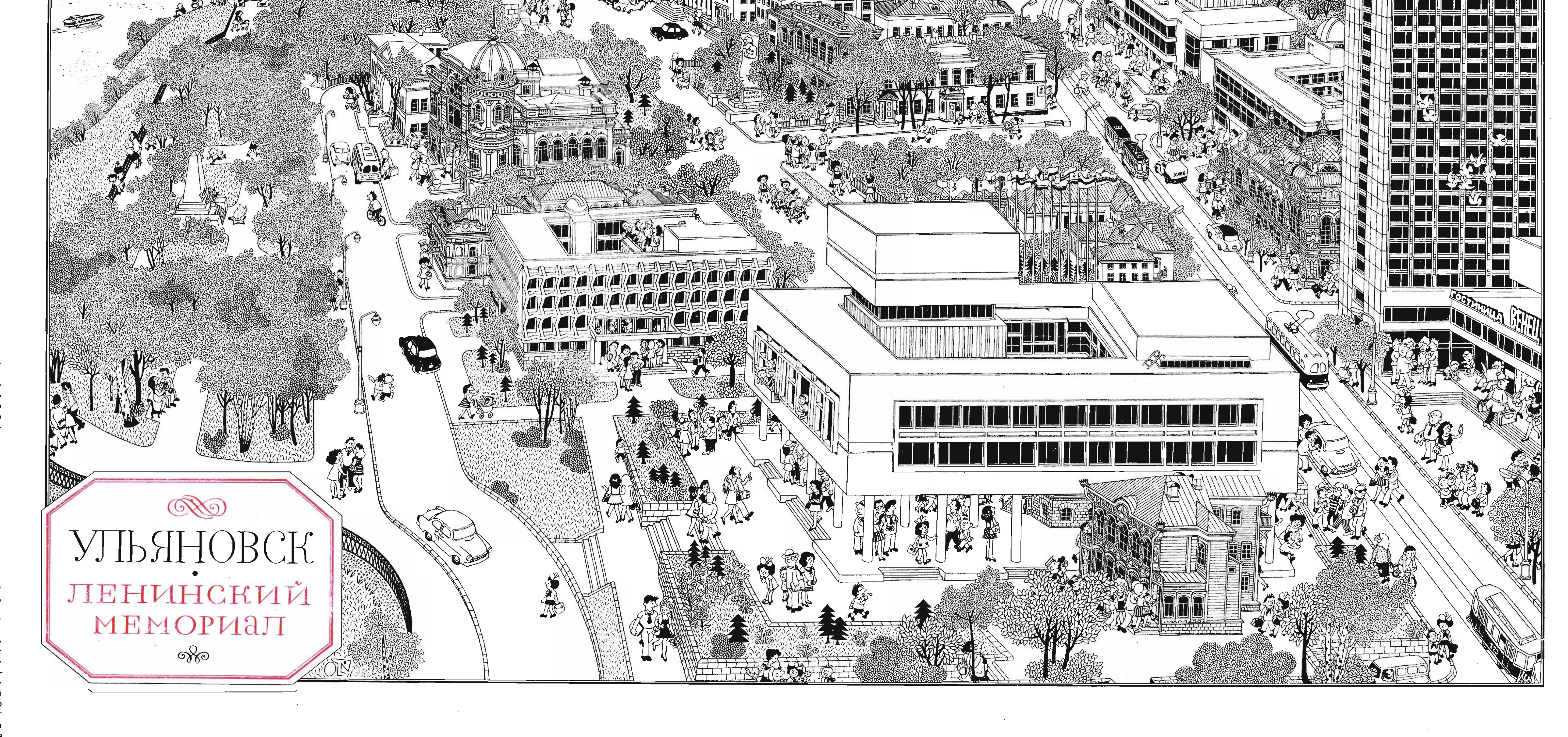
«В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки».

НА БУКСИРЕ

Рисунок Ю. ГАНФА

Рисунок
Г. ОГОРОДНИКОВА

УЛЬЯНОВСК • ЛЕНИНСКИЙ МЕМОРИАЛ

Уроженец Симбирска Иван Александрович Гончаров в очерке «На родине» писал:

«И по приезде домой, по окончании университетского курса, меня обдало той же «обломовщиной», которую я наблюдал в детстве. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя».

В те годы, когда резвый мальчуган Володя Ульянов бегал в гимназию, местный поэт К. Н. Коренев запечатлел родные пенаты в таких нехитрых строках:

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу милый городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок...
Главу блестящую собора,
Уютных домиков ряды,
А там, по склону косогора,
Твои фруктовые сады.

Но в этом заштатном городке выросли могучие таланты, город выпестовал блестящее созвездие имен, так что ему могут позавидовать многие наши города, тоже далеко не обделенные талантами.

В Симбирске родились литератор и историк, автор двенадцатитомного труда «История Государства Российского» Н. М. Карамзин, известный поэт пушкинской плеяды Н. М. Языков, литератор Д. В. Григорович, близкий друг великого Герцена, публицист и поэт Н. П. Огарев, известный в прошлом веке поэт-сатирик Д. Д. Минаев... И. А. Гончарова я уже упомянул.

Но, конечно, особенно дорог Симбирск каждому трудовому человеку, в каком бы месте земного шара он ни жил, тем, что здесь родился и провел юные годы Владимир Ильич Ленин.

Допускаю, что где-нибудь в дебрях Африки или на склонах Гималаев не слышали о Карамзине или не читали Гончарова. Но есть ли на земле человек, который не знал бы Ленина?!

И благодарное потомство к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича воздвигло на его родине величественный мемориал.

«Дорогие ульяновцы!

Пишут вам из воинской части. Наши бойцы и командиры с неослабным вниманием следят за строительством Ленинского мемориала. Будем вам бесконечно благодарны, если вы нам расскажете, как он выглядит сейчас.

Заместитель командира по политчасти».

«Дорогие товарищи!

Мне выпала огромная честь быть организатором Музея имени Ленина в городе Электроугли, Московской области. Убедительно прошу вас выслать для музея фотографии мемориала.

Кубриков Сергей Иванович, член КПСС».

«Пишут вам из Аспиндзского района, Грузинской ССР.

Расскажите нам о сегодняшнем Ульяновске. Это хотят знать все жители нашего района».

Таких писем сотни. С каждым днем поток их увеличивается.

Каков он, сегодняшний Ульяновск?

Взгляните на рисунок.

Одетый в камень, Ленинский мемориал покоряет своим величием. Создатели его талантливо сочетали новое со старым, бережно сохранив все памятные места, связанные с жизнью в городе семьи Ульяновых.

Справа внизу рисунка вы видите двухэтажный деревянный дом. Сюда переехали Ульяновы, когда Володе исполнился год. В скромно обставленных комнатах прошло раннее детство Владимира Ильича. Тут родились сестра Ольга и младший брат Дмитрий.

В те годы этот дом был почти последним на Стрелецкой улице. Дальше лежала пыльная площадь, где возвышалось лишь мрачное здание тюрьмы. Сколько раз дети вздрагивали от испуга, когда в ночной тишине раздавались грозные окрики конвойных и мрачный перезвон кандалов.

Теперь по соседству с этим домом выросло огромное здание из стекла и гранита. Здесь филиал Центрального музея имени В. И. Ленина с кинозалом, лекционным залом на 560 мест и залом для проведения научных съездов на 1400 мест.

По другую сторону улицы поднялось 23-этажное здание новой гостиницы «Венец». В ней одновременно смогут разместиться свыше тысячи гостей. К их услугам — просторные вестибюли, рестораны, кафе, художественный салон, различные бытовые службы.

Один из знатных строителей гостиницы, потомственный ленинградец, Василий Степанович Морозов, говорит:

— Большая гостиница, вместительная... Но боюсь, что и в ней свободных мест будет маловато. Ведь сейчас все дороги ведут в Ульяновск...

Слева от гостиницы вы видите старинный особняк с живописным куполом. Здание это очень дорого ульяновцам. В нем, в бывшем помещении симбирского уездного земства, 23 декабря 1917 года была провозглашена Советская власть.

А дальше новые здания средней школы и Дворца молодежи, выстроенные к ленинскому юбилею.

Так выглядит сегодня одна из центральных улиц Ульяновска — Советская.

И снова памятные места. Слева от Дворца молодежи вы видите казарменного типа двухэтажное здание, окруженное могучими тополями. На фасаде — мемориальная доска. До революции в этом доме находилась симбирская мужская классическая гимназия, в которой восемь лет учился и которую успешно окончил Володя Ульянов.

И сейчас здесь учатся ребята — теперь это школа имени В. И. Ленина. Скажем прямо, в ее коридорах немного шумно. Только за один прошлый год школу посетило свыше полумиллиона экскурсантов!

Дальше, за школой, вы видите старое здание театра. У него любопытная история. Уже в конце XVIII века тут давались представления. Позднее на сцене симбирского театра играли знаменитые русские артисты: Стрепетова, Вишневский, Писарев, Андреев-Бурлак...

Хорошо вписывается в большой Ульяновск и здание пединститута, которое вы видите на рисунке слева от мемориала. А дальше двухэтажный особняк с башней — дом-памятник писателю Гончарову, в котором находятся краеведческий и художественный музеи.

До революции на самом крупном предприятии Симбирска — чугунном заводе Андреева — работало что-то около пятидесяти рабочих. А сейчас заводы Ульяновска, выстроенные за годы наших пятилеток, производят автомобили, огромные универсальные станки, стационарные двигатели, лодочные моторы... Увы, рамки рисунка не позволили художнику изобразить все эти предприятия.

Центральная площадь города имени Ленина... Тугим зеленым поясом опоясывает ее слева широкий бульвар Нового Венца — любимого места отдыха ульяновцев.

Над площадью, над широким раздольем Волги возвышается бронзовая фигура Ильича в распахнутом пальто, словно любимый вождь идет к своим землякам от великой русской реки.

В первые годы Октября на родине Ильича побывал Джон Рид, автор «Десяти дней, которые потрясли мир».

Потом он сказал:

«...Может быть, это не очень по-марксистски, но, глядя на широкие просторы Волги, я думал, что именно на берегу такой могучей реки и должен был родиться Ленин...»

А. ШЕЙНИН

г. Ульяновск.

ДЕМЬЯН РАССКАЗЫВАЕТ

(со стр. 7)

«Нет, нет, напротив. Это у вас замечательно получилось, прямо-таки артистически: «Хвост вытащил — нос увяз». А главное, истинная правда, и народу понравилось. Я, признаться, и не подозревал в вас такого пародийного таланта».

«Шутите, Владимир Ильич!»

«Нисколько. Вы, как хороший пропагандист и массовый оратор, должны уметь расшевелить аудиторию, тем более в такое тяжелое, отчаянно тяжелое время, как сейчас. Так что уж, не бойтесь шутки, когда говорите с народом. Если хотите, это даже не просьба с моей стороны, а партийное задание». И в его глазах вспыхнули знакомые ленинские искорки.

— Ну и как? — спросил я Демьяна.

— Так и делал,— ответил Демьян.— И ничего, имел большой успех! — Демьян лукаво улыбнулся.— И вообще Ленин тонко понимал шутку, был человек веселый, жизнерадостный, бодрый, любил посмеяться. Иногда, услышав что-нибудь забавное, он начинал хохотать — откровенно, чистосердечно, по-детски громко.

Позднее мне довелось услышать от Демьяна еще одну интересную историю.

— Однажды, после своей очередной поездки на фронт, я рассказал Ленину забавный случай, который его ужасно рассмешил. Я, знаете ли, ездил по фронтам в этом самом салон-вагоне, кстати сказать, бывшем до революции личным вагоном великого князя Николая Николаевича, так сказать, августейшего дяди государя императора Николая второго, как известно, ликвидированного его верноподданными в одном весьма неуютном екатеринбургском подвале. Ну, а уж после революции российский пролетариат предоставил этот августейший вагон для нужд агитации и пропаганды. Вот я и разъезжал в нем по фронтам гражданской войны, воюя своим пером, своими агитками и плакатами с Деникиным, Врангелем, Колчаком и прочими генералами, а ныне разъезжаю по стройкам пятилеток, да еще иногда прихватываю с собой симпатичных молодых писателей, которые никак не могут взять в толк, что, кроме всего прочего, они обязаны быть хорошими ораторами и уметь выступать на рабочих собраниях.

Не помню уж какой был год,— продолжал Демьян,— не то восемнадцатый, не то девятнадцатый, только попадает мой вагон однажды глухой ночью на станцию,— тоже не помню уж какую, где-то на южном фронте — не то Вапнярка, не то Кодыма, не то Бирзула, не то Проскуров,— вам должны быть с детства хорошо знакомы все эти станции... А может быть, Синельниково или Лозовая. Ну да дело не в этом... Одним словом, меняют паровоз... Вдруг раздается громкий стук в дверь вагона... Просыпаюсь, вскакиваю... Что за черт? За окном мелькают фигуры вооруженных людей, вспыхивают ручные электрические фонарики, слышится звон шпор, грубые голоса... Батюшки-светы, думаю, неужели напала банда какого-нибудь батьки — Заболотного, Зеленого, а то еще, чего доброго, самого Нестора Махно? Вот, думаю, номерок! Вбегает проводник: «Товарищ Демьян Бедный, вас там какие-то требуют!» «Кой черт,— говорю,— сейчас ночь. Я сплю. Кто такие?» «Из транспортного Чека». «Ну, думаю, слава богу, что свои, а не какая-нибудь банда». «Хорошо. Раз требует Чека, сейчас. Ведите их сюда».

Входят. Ну, описывать их не буду. Вы сами в этих местах побывали в гражданскую войну. Кожаные черные куртки, кавалерийские шинели, кубанки с красным верхом и позументами накрест, фонарики, само собой, маузеры в деревянных футлярах... Картина знакомая.

«Здравствуйте, товарищи»,— говорю.

«Здравствуйте, товарищ Демьян Бедный».

«Садитесь. Извините, что принимаю вас в одних подштанниках. Я уже спал. Время позднее».

«Извиняйте, что побеспокоили вас. Но дело государственной важности».

«А что такое?»

«Да так, требуется разрешить один вопрос, установить личность одного гада, бежавшего от Советской власти, крупного деятеля царской России, махрового черносотенца... Но у нас нет человека, который мог бы установить его личность. А тут, на наше счастье, останавливается поезд, и дежурный оперуполномоченный докладывает, что в вагоне с этим поездом следуете вы, товарищ Демьян Бедный. У нас и явилась мысль, что, может быть, вы сможете опознать личность задержанного нами политического преступника, который пытался через нашу станцию перейти линию фронта и податься до белых».

«Кого ж это вы сцапали, интересно?» — спрашиваю.

«Не беремся категорически утверждать, но есть все данные, что в наши руки попал матерый монархист и черносотенец Пуришкевич».

«Вы шутите!» — кричу.

«Никак нет. Все агентурные данные подтверждают, что это именно он, известная контра».

«Но, позвольте, это же сенсация! Пуришкевич действительно каким-то чудом избежал ареста и скрылся, это совершенно точно».

«Вы его, товарищ Демьян Бедный, когда-нибудь видели?»

«Кто его в Петербурге не видел! Личность известная. Карикатуры, фотографии, открытки... Лично я, например, несколько раз видел его в Государственной думе, куда захаживал повидаться с нашими депутатами от социал-демократической фракции большевиков».

«Личность его запомнили? Особые приметы его нам не подскажете?»

«С величайшим наслаждением. Во-первых, голова редькой...»

«Лысая?»

«Абсолютно лысая. Как колено. Затем аккуратная бархатная бородка котлеткой... В-третьих, дымчатое модное пенсне на прямом носу...»

«Пенсне и бородка — это неважно... А вот...— товарищи из Чека многозначительно переглянулись.— Как будто бы лысина сходится. Товарищ народный поэт,— мы, конечно, понимаем, что на дворе глубокая ночь и что вам самое время отдыхать после напряженной творческой работы, но революционный долг на первом плане. Мы очень извиняемся, но просим вас одеться и проследовать с нами в станционное помещение для опознания задержанного Пуришкевича».

«Братцы, — взмолился я,— а нельзя ли этого самого Пуришкевича привести ко мне в вагон, я его тут же по всей форме и опознаю!»

Товарищи из Чека замялись.

«Никак невозможно, товарищ Демьян Бедный, потому что он там у нас сидит не один, а их несколько».

«Что за дьявольщина! — думаю.— Ну, да ничего не поделаешь. Надо исполнить свой революционный долг».

Наскоро одеваюсь, и мы отправляемся. Не надо иметь особенно богатое воображение, чтобы представить себе эту непроглядно-темную, дождливую ночь в самый разгар гражданской войны, на узловой юго-западной железнодорожной станции вроде какой-нибудь Вапнярки...

— Да, да,— поддержал я,— слякотный перрон, чугунные столбики железного навеса, дыра от снаряда на месте станционных часов, керосиновый фонарь, изредка где-то в темноте винтовочный выстрел, тошнотворно-едкий запах дезинфекции и треск вшей под сапогами.

— Вот именно,— со вздохом заметил Демьян и задумался.— По-моему, дело происходило, если не изменяет память, в этих самых местах, по которым, может быть, мы с вами сейчас проезжаем.

Я посмотрел в слегка запыленное окно салон-вагона и увидел бархатно-черное, свежевспаханное поле и маленький трактор «Фордзон» с огромными задними колесами с острыми шпорами. Тяжелая темная туча уходила за пустынный степной горизонт, волоча за собой несколько дождевых полос, и длинная скирда соломы с одного боку была сухой, ярко-желтой, а с другого — почти черной, мокрой от только что прошедшего ливня. Потом пронеслась по-южному белая станция с еще не отремонтированной водокачкой, в нескольких местах по вертикали пробитой трехдюймовыми снарядами гражданской войны, что делало ее похожей на флейту, а еще немного погодя мы увидели очертания громадной стройки в опалубках и дощатых мостках. Она поднималась из-за железнодорожного откоса подобно деревянной Трое, со всех сторон обставленной осадными машинами и штурмовыми лестницами.

Демьян не без труда, с веселым, богатырским усилием рванул оконную раму, и она с треском провалилась вниз, обдав нас застоявшейся зимней пылью; по вагону пронесся свежий вихрь послегрозового степного воздуха, разметав по салону газеты, кое-где исчерканные синим и красным карандашом Демьяна, который, не обращая внимания на это, любовался летевшей навстречу нам индустриальной картиной.

— Приводят меня,— продолжал Демьян,— в какой-то жуткий клоповник, и что же я там вижу? Ровным счетом восемнадцать насмерть перепуганных лысых мешочников, собранных бдительными транспортными чекистами со всех проходящих поездов. Ну, конечно, тут же их всех и освободили. Но вы представляете себе это величественное зрелище? Когда я рассказал об этом происшествии Ленину, то он сначала не поверил, замахал на меня руками, даже рассердился:

«Демьян, да вы просто безбожно фантазируете!»

«Ей-богу, Владимир Ильич, провалиться мне на этом месте. А если не верите — спросите у Феликса Эдмундовича, он знает».

Тогда Ленин начал смеяться, сначала тихонько пофыркивая, а потом все громче и громче, приговаривая:

«Нет, это черт знает что! Надя, ты слышишь, что рассказывает Демьян? Вместо Пуришкевича посадили в холодную восемнадцать лысых мешочников! Нет, ты только вообрази себе эту картину!»

Он хохотал от всей души, по-детски звонко и нечетко произнося «Ха-ха-ха!», закинув голову и время от времени вытирая платком мокрые от слез глаза, в которых то и дело вспыхивали золотые искры.

Андрей ВНУКОВ

ОРИГИНАЛЬНАЯ УСТАНОВКА

«Нас затягивает поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа».
В. И. ЛЕНИН.

В огромном учрежденье
С немалой подготовкой,
Упорно, кропотливо,
За совесть, не за страх
Давно велась работа
Над новой установкой
Сначала лишь в набросках,
Потом в черновиках...

И вот она готова:
Скромна, но современна,
Изящна, но научна,
Солидна, но стройна,—
Такая установка
Должна прийти на смену
Отжившим установкам,
Чтоб их сменить сполна...

На буровой и в шахте
Рабочие ребята
Получат установку,
Которая гласит:
«Из прежней установки
Снять пункт пятидесятый,
Параграф тридцать пятый
Отныне с пятым слит.

Подпункт графы четвертой
Имеет силу только
От слов: «Семь раз отмерьте...» —
До слова: «...отжила».
«Поскольку» — в пункте сотом
Считать теперь — «Постольку»...

Такая установка!
Такие вот дела...

«Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во ВСЕХ странах».

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПТЕНЧИКИ

Рисунок Ю. ГАНФА

Самиг АБДУКАХХАР

ГОСТЬ ИЗ АФРИКИ

В разгар плодоносной осенней поры,
Которой прекрасней и сказочней нет,
Увидеть узбекской природы дары
Приехал мой друг — африканский поэт.

Земля моих предков заветной мечтой
Покоя давно не давала ему...
И древний Ташкент, мой Ташкент молодой,
Я с гордостью другу открыл моему.

—О чудо!.. Израненный город воскрес!
—Полна чудесами родная страна.
Голодная степь — вот одно из чудес,
Сверкает, как радуга в небе, она.

—Но что ж там смотреть на земле без воды!
Иссохшие трещины-раны на ней...
Земля, где бесплодны людские труды,
Тарантулов рай, обиталище змей...

Я все же, мой друг, доверяю тебе —
Раз хочешь, в Голодную степь загляну...
Я понял: в тот миг он представил себе
Свою обожженную солнцем страну.

И вот перед нами лежит Мирзачуль...
Ее красоту только в песнях воспеть!..
—Я все, что красиво, увидеть хочу,
Но где же, скажи мне, Голодная степь!

Все в буйных садах... А в каналах — вода
Рекой животворною плавно бежит...
Не вижу земли опаленной следа.
Так где же Голодная степь! Покажи!

И хлопка вокруг белоснежный ковер...
Идем мы, и нет изумленью конца.
Он этого чуда не знал до сих пор —
Глядит, и улыбка не сходит с лица.

—Такое лишь может присниться во сне,
В виденьях, когда человек сладко спит...
Но как это чудо, поведай ты мне,
Могло совершиться в Голодной степи!

И я рассказал, как полвека назад,
Когда еще шел за республику бой,
Нам Ленин-батыр подарил этот сад,
Собратьев моих озабочен судьбой.

И бедным дехканам узбекских полей,
Когда обсуждались декреты в Кремле,
Он дал пятьдесят миллионов рублей,
Чтоб жизнь расцвела на иссохшей земле.

В разгар плодоносной осенней поры,
Которой прекрасней и сказочней нет,
Увидеть идей Ильичевых дары
Приехал мой друг — африканский поэт.

С узбекского перевел Б. ЮДИН

Непонятливый мистер Коннор

Мистер Дж. Коннор, помощник профессора Колумбийского университета и стипендиат Белого дома, выпустил в свет сборник некоторых трудов В. И. Ленина.

Вначале мы, признаться, удивились. Будущий профессор, стипендиат солидного учреждения, казалось бы, должен быть человеком более осмотрительным. Но как только мы прочли вступление, то поняли, что мистеру Коннору увольнение не грозит. Характеризуя свои принципы изданий ленинских сочинений, он признает, что стремился при публикации «...устранить из них по возможности больше непонятных мест».

Что же непонятно мистеру Коннору? Вот, например, знаменитый ленинский труд «Империализм, как высшая стадия капитализма». В нем мистер Коннор никак не мог понять IX главу «Критика империализма». Ну, а раз не понял, значит, выкинул. Всю, целиком. Никак не мог будущий профессор взять в толк, для чего нужно критиковать империализм, да и как можно вообще его критиковать, когда он, с точки зрения мистера Коннора, вообще не существует. А если и наблюдаются отдельные империалистические шалости вроде войны во Вьетнаме, то стоит ли говорить о таких пустяках?

Так вот и работает мистер Коннор, «сокращая» Ленина и приближаясь при помощи этих самых «сокращений» к долгожданному профессорскому званию...

Мосье Гароди и логика

Французский ревизионист Роже Гароди, выступающий под титулом «теоретика коммунизма», печется о защите ленинизма. Так печется, что просто и не знает, от кого бы его защитить. Можно было бы, конечно, дать отпор многочисленным буржуазным клеветникам и злобным антисоветчикам, но такого рода работа претит утонченной натуре мосье Гароди. Ему хочется чего-нибудь пооригинальнее, попикантнее. Хочется ему так защитить ленинизм, чтобы все ахнули и разинули от изумления рты.

После долгих раздумий мосье Гароди решил защитить Ленина от... ленинских научных трудов. Решивши, взял ручку и, самодовольно посмеиваясь, написал: «Нет ничего более неправильного и более опасного, чем рассматривать «Что делать?» как изложение ленинской концепции партии».

Перечитал мосье Гароди написанное и даже удивился: как здорово загнуто! Дальше пошло легче и, завершая вскоре свой «анализ» знаменитого ленинского произведения, он охарактеризовал его основные идеи как «антиподы ленинизма».

Как видим, у мосье Гароди своя логика. Точнее, антилогика. Она и приводит его прямиком к антикоммунизму.

СИДЯ НА БЕРЕГУ...

Большой философ Харитон Шавишвили сидит на берегу Женевского озера и ритмично поплевывает. Он норовит плюнуть подальше — в нашу сторону, но не долетает. В результате происходит загрязнение озерных вод и рождение унылых мыслей.

Бывший меньшевик Харитон измыслил книгу. Называется «Философия социализма». Для просвещения темных швейцарцев.

«Построение социализма в России,— говорит Харитон,— было случайностью, вызванной стечением особых обстоятельств». От этих особых случайных обстоятельств меньшевик Харитон случайно вылетел пробкой из России и случайно приводнился на Женевском озере.

«Русское мессианство,— продолжает Харитон,— состоящее в несении социализма всему миру для обеспечения его счастья, было изобретено не Лениным, а его предшественником в лице анархиста Бакунина... Ленин отстаивал его взгляды...»

Ай да Харитон Шавишвили! Что ему до того, что Ленин писал об анархистах: «Анархизм — порождение отчаяния. Психология выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария».

И вот сидит у Женевского озера Харитон Шавишвили, в большом отчаянии сидит и поплевывает. Выбитый из колеи интеллигент и отчасти босяк...

«На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу».

АНТИМАРКСИСТСКАЯ КАКОФОНИЯ

Рисунок Ю. ГАНФА

ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

В 1930 и 1934 годах выдающийся чехословацкий революционер и публицист Юлиус Фучик побывал в Советском Союзе. Свои впечатления о поездках по областям и республикам нашей страны, в частности по Таджикистану, он изложил в книгах очерков и репортажей «В стране, где завтра является уже вчерашним днем» и «В стране любимой».

«...Я смотрел на все открытыми глазами...— писал Ю. Фучик.— Лозунг «Ленинизм жив!» является в Советском Союзе лозунгом действительности, лозунгом правды».

«Крокодил» обратился к нескольким читателям из Таджикистана с просьбой рассказать, какие события сегодняшней нови перекликаются с репортажами Ю. Фучика.

У ПЯНДЖА НА РАССВЕТЕ

«...Начальник звонил на соседние пункты. Просил врача. Но было лето, и врачи проводили большую противомалярийную кампанию... Только ночью зашумела около погранпункта машина и из нее вышел сонный с покрасневшими глазами мужчина... В Афганистан больные возвращались уже после осмотра врача, сжимая под халатами бутылки с микстурами и коробочки с порошками...»

«На Пяндже, когда стемнеет»

И вот что поведал главный врач санитарно-эпидемиологической станции республики Халик Бердыев:

— Это было недавно. Мы возвращались из Кабула. Казалось, до пограничного Пянджа рукой подать. Однако прошло немало тягучих часов, прежде чем автокараван добрался по «дороге жизни» до границы нашей Родины. «Дорога жизни» — это по-восточному поэтичное, но точное название дали афганцы магистрали, которую они построили вместе с нашими дорожниками. Она соединила крепким рукопожатием Советский Таджикистан со столицей дружественного соседа.

Где-то неподалеку отсюда находился пограничный пункт, куда — помните у Юлиуса Фучика? — обращались измученные малярией афганцы, предварительно перемахнув бесноватый Пяндж. Я размышлял о том, что давно уже осушены у нас болота с беспощадным анофелесом. Я размышлял о том, как быстро от единичной помощи заболевшим афганским дехканам мы пришли к постоянному сотрудничеству медиков двух наших стран.

Собственно, моя миссия в Афганистан и была связана с решением этой проблемы. Я встретился с директором афганского института малярии доктором Кадыри Абдуллкаримом, чтобы договориться о совместных массированных действиях против последних источников лихорадки.

Доктор высоко отозвался о достижениях медицинской и санитарной служб Советского Таджикистана. Ему было хорошо ведомо, что обеспеченность нашей республики врачами куда большая, чем, скажем, в Англии, Франции или Швеции. Он знал, что у нас существует более 300 поликлиник и около 300 больничных учреждений, которые оказывают населению стационарную целительную помощь по всем специальностям. Он помнил, что десятки молодых афганцев, закончив советские медицинские вузы, вернулись в свою страну квалифицированными врачами. Я видел этих крепких молодых людей, работающих рука об руку с нашими специалистами в больнице Вазира Акбархана.

— Надеюсь, что совместными усилиями мы даже комаров отучим от кровожадности,— певуче пошутил доктор, завершая наш разговор.

РАССКАЗ НАУЧНОГО СОТРУДНИКА САИДОВА О СПУТНИКАХ ЗЕМЛИ

«...Люди во дворе словно остолбенели... Я объявил о конце затмения и начал большую лекцию о вселенной... Красноармеец в рваной шинели «вращался» вокруг меня, изображая луну...»

«Рассказ полковника Бобунова о затмении луны»

— Совпадение — одна из форм закономерности,— философски начал старший научный сотрудник метеорного отдела Касым Саидов.— Именно в тот год, когда полковник Бобунов рассказывал Юлиусу Фучику о том, как он покорил воображение сбитых с толку муллами дарвазцев точным предсказанием часа затмения Луны, именно тогда была открыта республиканская обсерватория.

Полковник Бобунов предвидел многое. Но мог ли он предположить, что уже через несколько лет после описанных им событий в Калаи-Хумбе эта обсерватория станет академическим институтом астрофизики? Мог ли предсказать полковник, что сын дехканина Пулат Бабаджанов станет директором института, член-корреспондентом Академии наук и автором фундаментальных работ о связи комет с метеорами?.. Мог ли думать полковник, что следом за Фучиком к нам будут приезжать коллеги из Чехословакии для совместных исследований?..

Конечно, у кого хочешь кровь заледенеет в жилах, когда вспомнишь, как командир Бобунов, поддерживаемый лишь горсткой красноармейцев, говорил распалившимся дарвазцам о скудных умишках лжецов-мулл и могуществе раскованного человеческого разума. Да простится мне это сопоставление, но и нам подчас приходится в Калаи-Хумбе нелегко.

Едва лекционный автобус института астрофизики появляется на центральном майдане, как раздается клич:

— Звездочеты приехали!

Судя по всему, нас здесь ждут, как астроном любимую комету. На майдан сходятся и стар и млад. И тут успевай только поворачиваться. Известно, один любопытный способен загнать в угол десять мудрецов... Помнится, я рассказывал о спутниках Земли класса «Орбита». Чтобы доступнее растолковать эффект отражения радиоволн, я посоветовал взять в парикмахерской два зеркала, поставить под определенным углом и попытаться увидеть свой бритый затылок...

Тут поднялся седобородый бобо.

— Хорошо говоришь,— сказал он,—красиво говоришь. Но зачем напускаешь туманности? Зачем парикмахерскую впутываешь? Скажи просто: спутники-ретрансляторы. Ретрансляторы — это нам знакомо. Вон он стоит у гор, как маяк новой жизни...

Мог ли это предвидеть славный полковник Бобунов? Впрочем, если подумать, пожалуй, мог...

Рисунок Еугене ТАРУ (Румыния)

ТУФА ФАЗЫЛОВА ЕДЕТ В МАШИНЕ

«...На базар муж едет на осле, на коне, на верблюде, а жена идет рядом с ним пешком... На совещание в Кремль послали Нуринису... Когда Нуриниса вышла из вагона, муж... посадил ее на разукрашенного осла. Сам он пошел рядом, серьезный и гордый».

«Нуриниса Гулям едет на осле»

— Я хорошо помню этот одряхлевший восточный обычай,— сказала народная артистка СССР Туфа Фазылова.— На базар или в гости муж едет верхом, а жена должна семенить рядом...

Но, пожалуй, одной из первых нарушила его моя мать. В двадцатых годах она служила в канибадамской милиции и часто, как равная с равными, отправлялась на ахалтекинце вместе с оперативниками в горы, биться с басмачами.

А спустя несколько лет новая жизнь нарушила старый обычай и ради меня. Но сперва я вынуждена немного рассказать свою биографию.

Когда отец — бывший байский батрак — умер, я и мои сестры некоторое время воспитывались в детском доме. Здесь я училась арифметике и игре на дутаре, чистописанию и народному танцу «Урожай». Должно быть, я пела так громко и танцевала так старательно, что обо мне услышали в театрах. И вскоре я стала играть на сцене узбекского театра имени Хамзы вместе с прославленной Халимой Насыровой, а затем исполнять ведущие партии в национальных операх «Восстание Восэ» и «Гюльсара» в Таджикском государственном театре оперы и балета.

А вскоре и произошло событие, которое напомнило мне рассказ Юлиуса Фучика о Нуринисе. В начале 1941 года большая группа таджикских деятелей литературы и искусства была приглашена в Москву на декаду национальной культуры. О горячей встрече, которую оказали нам москвичи, о незабываемом приеме в Кремле, где мне вручили орден Ленина и объявили о том, что Президиум Верховного Совета Таджикистана присвоил мне звание народной артистки республики, я могу говорить бесконечно. Расскажу только о том дне, когда мы вернулись домой.

Помнится, я вышла на вокзальную площадь, едва удерживая в руках охапку свежих тюльпанов. Повсюду теснились жители города, которые пришли встречать меня и моих коллег, представлявших в столице нашей Родины культуру Советского Таджикистана.

И вот муж взял меня под руку и подвел к машине. Друзья меня усадили, и машина тихо тронулась с места. И муж мой, партийный работник, и другие весьма почтенные и уважаемые люди, сняв шляпы, степенно пошли рядом.

Это была дань высокого уважения к женщине-труженице, женщине искусства.

И так они шагали, пока не пересекли всю площадь. И народ почтительно расступался перед нами. И аплодировал. И радовался моей радости.

ЖАБЬИ СТУЛЬЯ

В овальном зале модного колониального стиля собрались сливки бизнеса и цвет Вашингтона.

— Джентльмены,— с тревогой в голосе сказал председательствующий,— американский экспорт велик и обилен, а платежный баланс ухудшается. И в торговле и на ндеологическом рынке. Чего мы только не вывозим за границу! И жевательную резинку «Пепперминт». и сигареты «Уинстон», и кока-колу, н пепси. Нет, хотел бы я знать, чего мы не экспортируем!..

— Разве только грибы,— послышался басовитый голос из глубины зала.

— Грнбы?.. А ведь в самом деле, я никогда не видел экспортного американского гриба — ни сушеного, ни маринованного. Это — наше упущение. Проявнм же присущую нам деловитость — начнем экспортировать грибы.

В тот же день была основана экспортная компання «Нейшнл гриб инкорпорейтед». Основной капитал внесли презнденты военно-промышленных корпораций «Дженерал напалм» и «Стандард бензин оф Нью-Джерси». Свое неожиданное влечение к грибному бизнесу фабриканты оружия объяснили с подкупающей искренностью:

— Ничто грибное нам не чуждо. Что может быть привлекательней грибовидного облака при атомном взрыве!

На первом заседании правления состоялся показ образцов экспортных грибов. Первым демонстрируется сморщенный грибок — старичок.

Только в сказках грибы бывают говорящими. В реальной действительности старичок-сморчок не говорит, а кричит:

— Я, Дж. Эдгар Гувер, взращен в вашингтонской грибнице под неусыпным наблюдением Федерального бюро расследований. На почве, богато удобренной навозом-доносом. Целых 46 лет неутомимо испускаю ядовитые испарения против красных. И против черных, которые тоже красные.

Появляются сразу три бледных поганки с тонкими сросшимися ножками.

— В научном мире мы известны под именами Страус-Хюпе, Поссони н Кинтер. В отличие от Дж. Эдгара Гувера занимаемся не преследованиями, а научными исследованиями. Размножаемся в университетских городках — Пенсильванском н Стэнфордском. Мы — кушанье деликатное, академическое, особенно если приправить эмигрантской плесенью. В Пентагоне намн часто лакомятся. Отведаешь нас — так и захочешь накинуться с ядерными бомбами нли чумными блохами на красных.

Без возражений включается в экспортный список старый пентагоновский перечник Арли Берк. Продается в консервной банке с красной надписью «Всеобщий мир и либерализация социализма».

— Отличная военно-кулинарная хитрость,— ободрительно зашумели присутствующие. — Кабы знали покупатели, что миротворец и либерализатор варился в соку «общества Джона Берча». Хо-хо!

Следующим выставили напоказ сатанинский гриб из грибницы Гудзоновского института под названием Герман Кан. Его ядерно-ракетные мысли о немыслимом пришлись по вкусу экспертам из «Нейшнл гриб инкорпорейтед».

Еще один гриб мухомор невозмутимо стоял на прямой белой ножке:

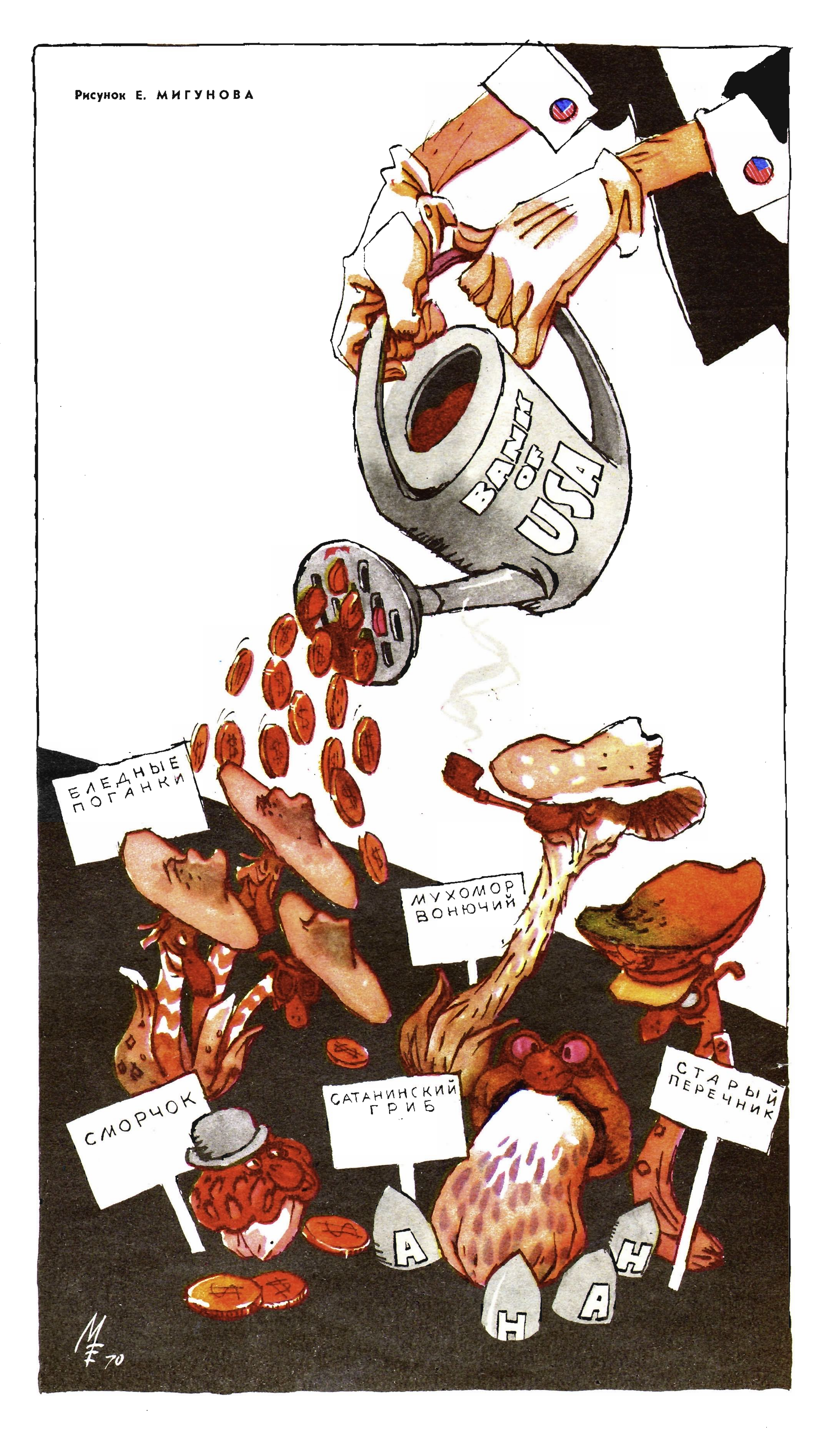
— Я, профессор Бжезннский, прннципиально за либерализацию и эволюцию, разумеется, в социалнстических странах. Я даже не против марксизма, если, конечно, в нем не останется ничего марксистского.

После заседания председатель пригласил консультанта-грибнина на ланч. Тот вежливо отказался:

— Меня что-то подташнивает. Ядовитые грибы — блюдо коварное. Недаром в нашем фольклоре их называют «жабьими стульями». Но жабьи стулья антикоммунизма — б-р-р!

На лице ученого-грибολога появилась гримаса невыразимого отвращения.

Н. САБЛИН

Еще раз напоминаем: «Приз справедливости» будет вручен в конце года тем ведомствам, предприятиям и организациям, которые с максимальной ответственностью и самокритичностью отнесутся к выступлениям журнала.

Сегодня мы публикуем три ответа на наши выступления. О мерах, принятых по фельетонам «Крокодила», нам пишут: секретарь Чукотского окружного комитета КПСС тов. У. Шитикова (репортаж А. Крылова и А. Ходанова «За морями, за горами», «Крокодил» № 1), председатель исполкома Волгоградского областного Совета депутатов трудящихся тов. Бородин (фельетон А. Шейнина «Скажи мне, кто твой друг...», «Крокодил» № 5) и председатель исполкома Ждановского городского Совета депутатов трудящихся тов. Ю. Санников (заметка Н. Володина «На пороге непоправимого», «Крокодил» № 5).

Напомним вкратце содержание этих материалов.

«ЗА МОРЯМИ, ЗА ГОРАМИ»

О разбазаривании драгоценного моржового клыка, без которого задыхается всемирно известная косторезная мастерская в Уэлене, о ржавеющем ценном металлоломе в виде железных бочек из-под горючего, в несметных количествах валяющихся на морском берегу... О серьезных недостатках в деле снабжения тундровиков, о дорогостоящей путанице в работе «Сельхозтехники», завозящей на Крайний Север совсем не то, что требуется. О более чем тревожном положении в промысле морского и пушного зверя, когда забой китов влечет за собой наказание за браконьерство. Когда не забивать китов нельзя, потому что в противном случае будет сорван план по сдаче песцовых шкур государству, ибо жив песец только мясом китовым... О том, что негде хранить это самое мясо по причине отсутствия холодильников — обо всем об этом рассказывал одноименный репортаж спецкоров «Крокодила» из Чукотского национального округа.

«СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ...»

В послужном списке парикмахера Д. Когана не было ни одного доброго слова. Тем не менее директор Волгоградского парикмахерского хозяйства Н. Золотов и его заместитель по кадрам В. Сиволапов назначили его заведующим дамской парикмахерской. И Коган принялся за «работу»: стал воровать, спекулировать автомашинами, склонять молодых женщин к сожительству, выгонять неугодных ему людей. Отбыв тюремное заключение, он вновь вернулся в Волгоград и вскоре вселился в кооперативную квартиру, купил себе автомашину, стал заведовать крупнейшим в городе дамским салоном «Локон». Все шло по-прежнему, и чем больше он распоясывался, тем больше получал благ. Благотворили проходимца его друзья — начальник облбытуправления А. Сиротенко и другие...

«НА ПОРОГЕ НЕПОПРАВИМОГО»

Автоинспектор задержал водителя мотоцикла «Ява-250» Маслихова, возвращавшегося из гостей в нетрезвом виде, и отлучил его от руля. На следующий день Маслихов явился в ГАИ, где ему объявили о том, что мотоцикл будет реализован через комиссионный магазин. Прошел год, а мотоцикл все не продавали. Однако Маслихов продолжал ходить в ГАИ и ходил до тех пор, пока ему не объявили, что мотоцикл похищен прямо с милицейского двора. «Будем искать»,— утешили бывшего владельца. Поиски продолжаются два с половиной года...

— Скажи, папочка: этот дядя изобрел атомный ледокол?
— По сути дела, да.

Рисунок Лео ХААСА (ГДР)

А теперь о том, что сообщили «Крокодилу».

СЕКРЕТАРЬ ЧУКОТСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА КПСС тов. У. ШИТИКОВА: «Репортаж «За морями, за горами» обсуждался на бюро Чукотского окружного комитета КПСС. Факты имели место, критика признана правильной. 2 марта 1970 г. исполнительный комитет Чукотского окружного Совета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос «О неудовлетворительной поставке в 1969 году моржового клыка и зубов совхозами округа» и принял соответствующее решение.

В гор. Анадыре создана контора «Главнефтеснаба», что позволит значительно сократить завоз на Чукотку горюче-смазочных материалов в металлических бочках, и в будущем количество пустых бочек уменьшится. Одновременно Анадырский и районные отделы Вторчермета ведут заготовку пустых бочек и прессуют их на металлолом, так как транспортных путей для отправки их «на материк» пока нет. Следует заметить, что суда Дальневосточного пароходства крайне неохотно вывозят металлолом, в связи с чем в 1969 году по округу оказались невывезенными 20 тысяч тонн железа.

Приняты меры для ускорения доставки тундровикам продуктов, медикаментов, почты. 10 февраля 1970 года окрисполком рассмотрел вопрос «Об улучшении торгово-бытового и хозяйственного обслуживания оленеводов, рыбаков и охотников» и принял решение.

Очень злободневными считаем поднятые в репортаже вопросы о добыче морского зверя и об обеспечении совхозов и колхозов Чукотки техникой. Окрисполком и Чукотское управление сельского хозяйства долгое время ведут переписку с Магаданским объединением «Сельхозтехника» и Магаданским сельхозуправлением, однако из ответа руководителей этих организаций видно, что срыв плана завоза в самые отдаленные хозяйства страны они склонны объяснять только недисциплинированностью поставщиков.

Решение вопроса о забое морского зверя выходит за рамки компетенций окружных организаций. Окружком КПСС, окрисполком, Чукотское управление сельского хозяйства неоднократно обращались в областные организации и Министерство рыбного хозяйства СССР, однако положительно вопрос не решен.

Принимаются меры и для улучшения условий хранения продукции морского зверя. В колхозе имени Ленина построена аммиачная холодильная установка. Закончены строительные работы холодильников такого же типа в совхозах «Герой труда», «Маяк Севера» и «Ударник».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ВОЛГОГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ тов. БОРОДИН: «Фельетон «Скажи мне, кто твой друг...» был обсужден на заседании исполкома облсовета. За серьезные недостатки в подборе и воспитании кадров начальник областного управления бытового обслуживания населения тов. Сиротенко от занимаемой должности освобожден. По материалам фельетона против Когана возбуждено уголовное дело и ведется расследование».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ЖДАНОВСКОГО ГОРСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ тов. Ю. САННИКОВ: «Статья «На пороге непоправимого» рассмотрена на заседании Ждановского городского Совета депутатов трудящихся. Зам. начальника ГАИ УВД г. Жданова тов. Белый М. С. за волокиту и нераспорядительность наказан в дисциплинарном порядке. Данный случай обсуждался на совещании руководящего состава УВД. В настоящее время решается вопрос о выделении для отдела ГАИ помещения, где будет оборудован гараж для хранения изъятого транспорта. Бывшему владельцу «Явы-250» Маслихову выплачена стоимость мотоцикла за счет виновных».

КРОКОДИЛ

№ 11 (1949)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Ю. Ганф, В. Жаринов, И. Игин, Н. Лисогорский, В. Тильман, Ю. Федоров.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 1/IV 1970 г. А 00043. Подписано к печати 9/IV 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 750 000 экз. (1 завод: 1—4 178 750). Изд. № 645. Заказ № 1038.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва. А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

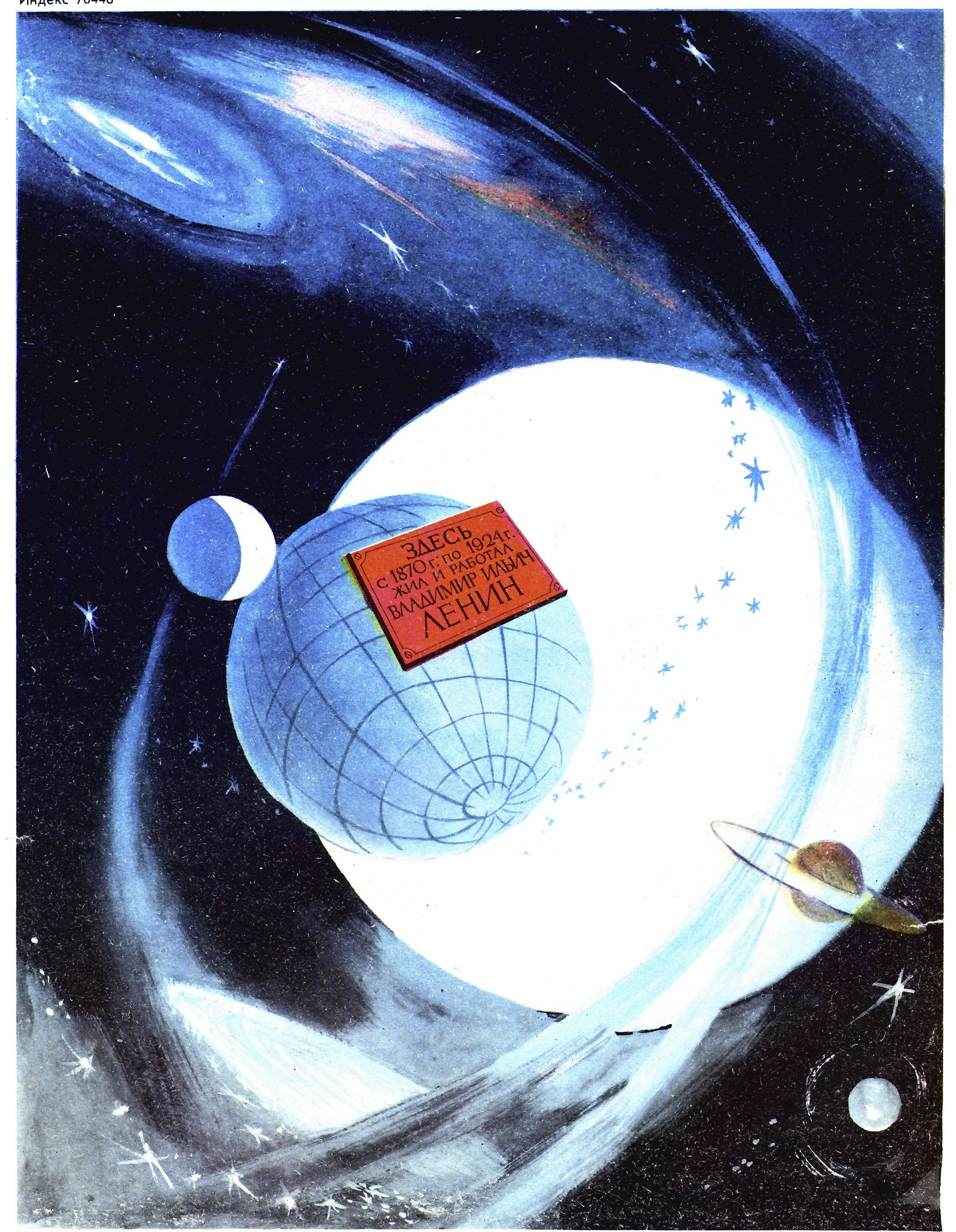

Рисунок Е. ШУКАЕВА